

Цели, написанные СОЛНЦУ

Новое начало
начинается с мечты,
которую ты решишься
написать.

Фатих Селамет

Fatih SELAMET

Цели, написанные солнцу

«Автор»

2026

SELAMET F.

Цели, написанные солнцу / F. SELAMET — «Автор», 2026

Трогательная летняя история о возвращении к себе, внутренней силе и новых началах. Эмель приезжает в небольшой приморский городок, чтобы отдохнуть от усталости, давления и жизни, в которой она давно перестала слышать собственный голос. Случайно купленная тетрадь становится для неё началом тихого, но глубокого пути к себе. Через маленькие цели, искренние разговоры, забытые мечты и новые знакомства она учится говорить «нет», слушать своё сердце, принимать свои решения и снова писать. Эта книга — вдохновляющая история о самопознании, надежде, смелости и том, что никогда не поздно вернуться к себе.

© SELAMET F., 2026

© Автор, 2026

Fatih SELAMET

Цели, написанные солнцу

Цели, написанные солнцу

Летняя история возвращения к себе

Цели, написанные солнцу

Имя автора:

Fatih SELAMET

СТРАНИЦА АВТОРСКИХ ПРАВ

Цели, написанные солнцу

Автор: Fatih SELAMET

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена, опубликована или распространена электронным, механическим, фотокопировальным, звукозаписывающим или каким-либо иным способом без письменного разрешения автора.

Это художественное произведение. Персонажи, события и места, описанные в книге, созданы воображением автора. Любое сходство с реальными людьми, учреждениями или событиями является случайным.

Первое издание

© Fatih SELAMET

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1: Первый день лета

Глава 2: Пустая тетрадь

Глава 3: Первая цель

Глава 4: Старая канцелярская лавка

Глава 5: Обещание, которое я дала себе

Глава 6: Фразы, написанные на берегу

Глава 7: Голос из прошлого

Глава 8: Маленькое кафе

Глава 9: Мечты, которые я забыла

Глава 10: Телефонный разговор

Глава 11: Обиды и истины

Глава 12: Новое утро

Глава 13: Самый длинный день лета

Глава 14: Список в моём сердце

Глава 15: Я выбираю себя

Глава 16: Последняя страница

Глава 17: Цели, написанные солнцу

ОБ АВТОРЕ

Fatih SELAMET — автор, который любит писать истории, сосредоточенные на внутреннем мире человека, его мечтах и смелости начать заново.

В своём произведении Цели, написанные солнцу он рассказывает о путешествии человека, который чувствует, что опоздал к самому себе, но в течение летнего сезона вновь находит собственный голос через записи, маленькие цели и искренние внутренние признания.

Простым и душевным стилем автор стремится подарить читателю надежду, смелость и внутреннее осознание.

Цели, написанные солнцу

Глава 1: Первый день лета

Когда автобус въехал в маленький автовокзал приморского городка, солнце ещё не поднялось высоко в небо. Мягкий утренний свет просачивался сквозь окно и касался лица Эмель теплом, которое она давно забыла. После шума города, его бесконечной суеты и постоянного ощущения, что люди всё время куда-то спешат, это место казалось ей почти другим миром.

Автобус остановился. Пассажиры начали медленно вставать со своих мест. У каждого в руке была сумка, а на лице — своя история. Кто-то возвращался к семье, кто-то приезжал на отдых, а кто-то, как Эмель, переживал странную тишину прибытия в место, куда он приехал, сам до конца не понимая зачем.

Эмель посмотрела на маленький чемодан, лежавший у неё на коленях. Вещей она взяла с собой немного. Несколько платьев, две книги, старые солнцезащитные очки, тонкий кардиган, который мать настояла положить в чемодан, и тяжёлое сердце, полное вопросов без ответов.

На самом деле, отправляясь в это путешествие, она никому не смогла полностью объяснить, что чувствует.

«Я немного отдохну», — сказала она только. «Мне нужно привести мысли в порядок».

Но привести мысли в порядок было не тем, что можно просто положить в чемодан и увезти с собой. Иногда, куда бы человек ни отправился, он всё равно несёт с собой хаос внутри себя.

Когда она вышла из автобуса, первое, что она почувствовала, был запах моря. Солёный, свежий и знакомый. Этот запах напомнил ей летние каникулы, на которые она ездила с семьёй в детстве. Тогда жизнь была проще. Солнце казалось ярче, море синее, а люди — менее сложными. С возрастом все цвета будто немного поблекли.

У выхода из автовокзала ждали несколько такси. На другой стороне улицы маленький продавец симитов раскладывал за стеклянной витриной свежую выпечку. Женщина возвращалась с рынка с сетчатой сумкой в руке, а пожилой мужчина сидел на скамейке в тени и читал газету. Всё двигалось медленно, спокойно и без спешки.

Эмель на мгновение остановилась. Она глубоко вдохнула.

«Значит, я здесь», — прошептала она самой себе.

В этой фразе была и усталость, и совсем маленькая надежда. Эта надежда не была большой и громкой. Она скорее напоминала маленький цветок, который пытается раскрыться в утренней прохладе. Эмель даже не была уверена, существует ли он на самом деле, но всё же где-то внутри неё что-то шевелилось.

Пансион, в котором она должна была остановиться, находился недалеко от автовокзала. Вместо того чтобы взять такси, она решила пойти пешком. Колёсики её чемодана тихо стучали по каменной мостовой, а Эмель шла вперёд, оглядываясь по сторонам. По обеим сторонам узких улиц стояли белёные дома. Из окон свисали бугенвиллии, тянущиеся к солнцу, а женщины, сидевшие у дверей, угощали друг друга утренним кофе.

Это было место достаточно маленькое, чтобы человек мог в нём спрятаться, и достаточно большое, чтобы снова найти себя.

В большом городе Эмель годами всё время пыталась за чем-то успеть. Успеть на работу, успеть домой, успеть за ожиданиями, успеть за жизнью, о которой говорили люди, но которую она сама чаще всего не хотела. Дни стали похожи один на другой. Проснуться утром, собраться, работать, улыбаться, молчать, вернуться домой, устать, уснуть. А потом снова тот же самый круг.

Через некоторое время даже внутренний голос человека устаёт.

Пансион был старым двухэтажным зданием недалеко от берега. Над дверью синими буквами было написано: «Пансион Якамоз». В саду стояли маленькие столики, цветные стулья и горшки с базиликом. Когда она вошла внутрь, её встретила женщина средних лет с добрым, улыбающимся лицом.

«Добро пожаловать, доченька», — сказала женщина. «Ты, должно быть, Эмель».

Эмель слегка улыбнулась.

«Да, это я».

«Я Нериман. Мы разговаривали по телефону. Твоя комната готова. Ты, наверное, устала».

«Немного», — сказала Эмель. «Но здесь очень красиво».

На лице госпожи Нериман появилось спокойное удовлетворение.

«Это место замедляет человека. В первый день ты, может быть, этого не поймёшь, но через несколько утр даже твоя походка изменится».

Когда Эмель услышала эту фразу, в её сердце что-то дрогнуло. Если бы могла измениться не только её походка, но и её сердце.

Поднявшись в комнату, она увидела небольшое, но светлое помещение. Белые занавески слегка колыхались от ветра. Перед окном стоял деревянный стол, а на столе — стеклянный кувшин и два стакана. Стены были простыми, покрывало на кровати — светло-голубым. Когда она открыла окно, вдали было видно море. Вид не был большим и роскошным, но в нём было достаточно покоя.

Она поставила чемодан у края кровати. Затем встала рядом с занавеской и долго смотрела наружу. Иногда, приезжая в новое место, человек думает, что старая жизнь сразу останется позади. Но усталость внутри Эмель всё ещё была с ней. Она лежала на её плечах, проникла в сердце и смешалась с её взглядом.

Зазвонил телефон. На экране было имя матери.

Некоторое время она смотрела на экран. Она колебалась, ответить или нет. Потом глубоко вдохнула и приняла звонок.

«Ты приехала?»

«Приехала, мама».

«Как пансион? Там безопасно? Ты поела? Тебе там одной не будет скучно?»

Эмель закрыла глаза. Голос матери был таким же, как всегда: заботливым, тревожным и немного контролирующим.

«Я в порядке, мама. Я только что приехала. Поднялась в комнату».

«Смотри, Эмель, когда человек в такие времена остаётся один, он начинает ещё больше думать. Ты и так слишком много всё принимаешь близко к сердцу. Отдохни два дня и возвращайся. И работу сильно не запускай».

Эмель сжала губы. Уже с первых минут они снова пришли к одному и тому же месту. Работа, порядок, ответственность, что скажут люди...

«Мама, я говорила, что останусь немного дольше».

«Насколько дольше?»

«Не знаю. Может быть, на несколько недель».

На другом конце провода наступила короткая тишина.

«Несколько недель? Эмель, ты что, ребёнок? У тебя есть работа, у тебя есть устоявшаяся жизнь. Нельзя каждый раз, когда тебе тяжело, уезжать куда-то».

Эмель посмотрела на море за окном. Волны тихо касались берега. Внутри неё лежала тяжесть фраз, которые она не могла произнести годами. Но всё же ссориться она не хотела.

«Мама, давай поговорим позже, хорошо? Я очень устала».

Мать хотела сказать ещё что-то, но Эмель мягко завершила разговор. Она положила телефон на кровать. В этот момент тишина в комнате стала ещё заметнее.

Возможно, настоящая причина её приезда сюда была вовсе не в отдыхе. Возможно, впервые она хотела услышать не голоса других людей, а свой собственный внутренний голос.

Через некоторое время она переоделась и вышла наружу. Она пошла в сторону берега. Полуденное солнце разлилось по каменным улицам. Магазины понемногу открывались, торговцы подметали перед дверями, издали доносились детские голоса.

На углу узкой улицы, ведущей к морю, она увидела маленькую канцелярскую лавку. Витрина была старой, но аккуратной. В ней были выставлены цветные ручки, открытки, тетради, закладки с узорами морских ракушек и маленькие листочки для записок. Обычно Эмель не останавливалась перед такими магазинами. Но в тот день почему-то её шаги замедлились.

В самом центре витрины лежала простая тетрадь с бледно-жёлтой обложкой. На ней маленькими золотыми буквами было написано:

«Для нового начала».

Эмель долго смотрела на эту надпись.

Новое начало.

Эти два слова прошли сквозь её усталость и коснулись чего-то внутри. Словно кто-то сумел уместить в короткую фразу то, что она сама не могла произнести месяцами.

Дверь лавки была слегка приоткрыта. Изнутри доносился запах старой бумаги, чернил и лаванды. Эмель на мгновение заколебалась. Затем толкнула дверь.

Маленький колокольчик над дверью зазвенел.

За прилавком седоволосая женщина с тонким лицом подняла голову. В её глазах была не усталость прожитых лет, а их спокойствие.

«Добро пожаловать, доченька», — сказала женщина.

Эмель улыбнулась.

«Спасибо. Я просто смотрю».

Женщина посмотрела в сторону витрины. Потом снова повернулась к Эмель.

«Иногда человек находит то, что ищет, именно тогда, когда просто смотрит».

Эмель не знала, что ответить на эту фразу. Она только слегка кивнула.

«Тетрадь в витрине...» — сказала она затем. «Можно мне посмотреть её?»

Женщина медленно встала, подошла к витрине и взяла тетрадь с бледно-жёлтой обложкой. Передавая её Эмель, она была осторожна, словно вручала не обычную вещь, а важную доверенность.

Когда Эмель взяла тетрадь в руки, она погладила её обложку. Она была тёплой. Может быть, потому что лежала на солнце в витрине, а может быть, потому что Эмель хотелось так чувствовать.

Она перелистала страницы. Они были пустыми. Совершенно пустыми.

Но странным образом эта пустота её не испугала. Напротив, впервые ей стало хорошо от того, что что-то ещё не написано. Потому что то, что ещё не написано, можно изменить. То, что ещё не решено, можно выбрать заново.

«Красивая», — сказала Эмель.

Женщина улыбнулась.

«Тетради такие. Человек становится тем, что пишет».

Эмель подняла голову и посмотрела на женщину.

«Вы правда в это верите?»

«Верю», — сказала женщина. «Потому что иногда человек не понимает, насколько тяжело то, что он носит внутри, пока не перенесёт это на бумагу».

Эти слова тихо поселились внутри Эмель.

Она купила тетрадь. Вместе с ней она взяла ручку с синими чернилами. Когда она вышла из лавки, солнце поднялось ещё немного выше. Она пошла к морю и села на свободную скамейку у берега. Положила тетрадь на колени.

Долгое время она сидела, не открывая обложку.

Она не знала, что написать. И не знала, с чего начать. Впервые в жизни даже записать цель казалось ей трудным. Потому что большинство целей, которые она писала до этого дня, на самом деле не принадлежали ей. Лучшая работа, более упорядоченная жизнь, выглядеть сильной, никого не расстраивать, никому не быть в тягость...

А чего хотела она сама?

Эмель глубоко вдохнула. Она открыла первую страницу тетради. Взяла ручку. Несколько секунд смотрела на пустой лист.

Потом медленно написала:

«Этим летом я приехала не для того, чтобы потерять себя, а для того, чтобы найти себя».

Написав эту фразу, она положила ручку. Ей показалось, будто в её сердце стало легче совсем маленькое место.

Перед ней тихо колыхалось море. Солнце падало на страницу тетради, заставляя синие чернила блестеть.

Эмель в тот момент ещё не знала, что эта фраза была не просто началом.

Эта фраза была первой строкой жизни, которая начала меняться.

Глава 2: Пустая тетрадь

Эмель долго смотрела на фразу, которую написала на первой странице тетради.

«Этим летом я приехала не для того, чтобы потерять себя, а для того, чтобы найти себя».

Фраза неподвижно стояла на бумаге, но внутри Эмель что-то двигалось. Словно она впервые коснулась ручки двери, которая долгие годы была заперта. Возможно, дверь ещё не открылась, но теперь она знала, что эта дверь существует.

Сидя на скамейке у моря, она постепенно начала отчётливее слышать звуки вокруг. Тонкий звон чайных ложечек из ближайшего кафе, шаги людей, гуляющих по берегу, далёкие крики чаек... Всё смешивалось между собой, но не утомляло её так, как город. Здесь звуки не истощали человека, а наоборот — будто наполняли его немного жизнью.

Эмель снова взяла ручку. Она хотела написать что-то ещё под первой фразой, но не знала, что именно. Когда речь заходила о собственной жизни, даже самая простая фраза иногда становилась трудной.

Она подняла голову и посмотрела на море.

«Чего я хочу?» — прошептала она.

Этот вопрос показался ей чужим. Потому что она давно не задавала себе такого прямого вопроса. Гораздо чаще она думала о том, чего хотят другие. Чего хочет её мать, чего ждут от неё на работе, как видят её друзья, что скажут люди... Её собственное желание всегда оставалось в самом конце. А иногда так далеко в конце, что о его существовании она почти забывала.

Она открыла вторую страницу тетради. Вверху страницы маленькими буквами написала: «Первая цель этого лета».

Некоторое время ручка висела в воздухе. Затем она медленно продолжила:

«Научиться слушать себя».

Фраза, которую она написала, показалась ей одновременно простой и трудной. Что значит — слушать себя? Каждое утро записывать то, что проходит через сердце? Уметь говорить «нет», когда чего-то не хочется? Не отказываться постоянно от себя только ради того, чтобы другие не расстроились?

Может быть, всё это вместе.

Эмель провела линию внизу страницы и добавила ещё одну маленькую заметку:

«Сегодня я не буду спешить».

Для неё это было маленькое, но важное решение. Потому что всю жизнь она куда-то спешила. Быстро принимала решения, быстро собиралась, быстро шла, быстро прощала, быстро молчала. Иногда она бежала даже для того, чтобы не опоздать к самой себе, но больше всего всё равно опаздывала именно к себе.

Она закрыла тетрадь. Несколько секунд держала ладонь на её обложке. Потом положила её в сумку и встала со скамейки.

Эмель пошла вдоль берега. Набережная городка не была широкой, но была красивой. С одной стороны — синее море, с другой — маленькие кафе, лавки с мороженым и сувенирные магазинчики. На столах лежали цветные скатерти, на стульях — выцветшие от солнца подушки, а на стенах висели handmade-обереги от сглаза.

Проходя мимо одного кафе, она почувствовала запах свежего кофе. Эмель остановилась. Обычно, прежде чем куда-то сесть, она смотрела отзывы в телефоне, изучала цены, рассчитывала время и только потом принимала решение. Но в тот день ей захотелось просто пойти за запахом.

На вывеске кафе было написано: «Синяя чашка». На краю вывески был нарисован маленький кофейный стаканчик. Внутри было просто, но уютно. Деревянные столы, синие стулья, старые чёрно-белые фотографии городка на стенах. За стойкой мужчина лет тридцати вытирал стаканы.

Когда Эмель вошла, он поднял голову.

«Добро пожаловать».

«Спасибо», — сказала Эмель. «Можно мне турецкий кофе?»

«Конечно. Без сахара?»

Эмель на короткое мгновение задумалась.

«С небольшим количеством сахара».

Мужчина улыбнулся.

«Похоже, это ваш первый день».

Эмель удивилась.

«Так заметно?»

«Здесь все друг друга знают. Если приходит незнакомый человек, он либо турист, либо приехал немного отдохнуть».

Эмель села за один из столиков у окна.

«А на кого похожа я?»

Пока мужчина готовил кофе в джезве, он посмотрел через плечо.

«Вы похожи на тех, кто приехал отдохнуть».

Этот ответ вызвал на лице Эмель лёгкую улыбку. Возможно, её усталость действительно читалась на лице. А может быть, некоторые люди умели слышать то, чего человек не произносит.

Через несколько минут кофе был готов. Рядом стоял маленький стакан воды и кусочек лукама. Поставив чашку на стол, мужчина сказал:

«Приятного аппетита».

«Спасибо».

Эмель сделала маленький глоток кофе. Горечь и сладость смешались между собой. Возможно, вкус был не совсем идеальным, но ей понравилось. Она достала из сумки тетрадь и положила её на стол. Надпись «Для нового начала» на обложке засияла в свете, который проникал через окно кафе.

Некоторое время она просто смотрела на тетрадь.

Затем открыла страницу и начала писать:

«Сегодня я впервые пью кофе без спешки. Я ни к кому не тороплюсь. У меня нет ощущения, будто я что-то упустила. Может быть, жизнь не обязана быть такой быстрой, как я думала».

По мере того как приходили фразы, рука Эмель расслаблялась. Сначала она думала, что ей будет трудно, но чем больше она писала, тем сильнее чувствовала, как то, что накопилось внутри, постепенно начинает распутываться. Бумага не осуждала её. Не считала её фразы неполными. Не говорила: «Ты не должна так чувствовать». Она просто молчала и давала ей место.

Когда она допила кофе, одна страница тетради уже была заполнена. Эмель удивилась этому. Она забыла, что внутри неё было так много фраз.

Когда она уже собиралась закрыть тетрадь, мужчина за стойкой подошёл к ней.

«Вы пишете?» — спросил он.

Эмель немного смущённо закрыла тетрадь.

«Нет... То есть, я сама не знаю. Просто делаю заметки».

«По-моему, письмо и начинается с заметок».

Эмель посмотрела на его лицо. У него было спокойное выражение. Он не был ни чрезмерно любопытным, ни навязчивым. Он просто разговаривал.

«Вы местный?» — спросила Эмель.

«Можно сказать», — ответил он. «Меня зовут Дениз. На несколько лет я уезжал учиться в университет, но потом вернулся. Это кафе принадлежало моему отцу. Теперь я им управляю».

«Красивое место».

«Спасибо. Оно маленькое, но людям здесь становится хорошо».

Эмель улыбнулась.

«Все говорят одно и то же».

Дениз тихо рассмеялся.

«Потому что это правда».

Наступила короткая тишина. Эта тишина не смутила Эмель. В большом городе молчание иногда воспринималось странно. Люди сразу хотели что-то сказать, заполнить пустоту. Но здесь молчание тоже было частью разговора.

Перед тем как отойти от стола, Дениз коротко посмотрел на тетрадь, но не попытался прочитать.

«Если вы пробудете в городке несколько дней, утром берег красивее. Вечером становится людно».

«Спасибо. Попробую».

«А в старую канцелярскую лавку вы заходили?»

Эмель удивилась.

«Да. Я купила эту тетрадь там».

На лице Дениза появилась знакомая улыбка.

«Магазин тёти Мерьем. Большинство людей, которые покупают у неё тетрадь, начинают писать необычные вещи».

«В каком смысле?»

«Не знаю», — сказал Дениз. «Может быть, тётя Мерьем даёт правильную тетрадь правильному человеку».

Эмель не поняла, шутка это или нет. Но ей понравилось. То, что тетрадь постепенно переставала быть обычной вещью, добавляло её истории маленькую тайну.

Когда она вышла из кафе, полуденное солнце стало немного жарче. Набережная начала заполняться людьми. Дети бегали за мороженым, несколько молодых людей шли к пирсу, чтобы искупаться. Эмель медленными шагами вернулась в пансион.

Когда она поднялась в комнату, занавески всё ещё колыхались от ветра. Она положила тетрадь на стол. Открыла чемодан и начала раскладывать вещи. Развешивая одежду в шкафу, она впервые почувствовала себя немного более собранной. Слово порядок в комнате немного упорядочивал и беспорядок внутри неё.

Когда она посмотрела на телефон, увидела два пропущенных звонка и сообщение от матери.

«Я волновалась. Когда звоню, отвечай».

Эмель прочитала сообщение. Её палец остановился над кнопкой вызова, но она не нажала. Внутри неё поднялось лёгкое чувство вины. Раньше она сразу бы перезвонила и попыталась успокоить мать.

Но на этот раз она остановилась.

Она открыла тетрадь. Посмотрела на цель, которую написала утром:

«Научиться слушать себя».

Затем погасила экран телефона.

«Чуть позже», — сказала она себе. «Не сейчас».

Со стороны это было маленьким решением. Но для Эмель — большим шагом. Впервые она не поставила чужую тревогу выше собственного спокойствия.

Ближе к вечеру она снова спустилась к морю. Солнце медленно опускалось, создавая на воде золотую дорожку. После дневной жары люди выглядели веселее. Несколько рыбаков готовили удочки, пожилая пара шла, держась за руки.

Эмель снова подошла к той самой скамейке, на которой сидела утром. Открыла тетрадь. В конце дня ей хотелось что-то записать.

«Сегодняшняя цель была маленькой: не спешить и слушать себя. Не знаю, получилось ли у меня, но я хотя бы попробовала. Может быть, человек не находит себя за один день. Может быть, сначала он вспоминает, откуда звучит его собственный голос».

Ручка остановилась. Затем внизу страницы она добавила ещё одну фразу:

«Завтра я напишу себе вторую цель».

Когда она закрыла тетрадь, её охватил странный покой. Не всё было решено. Ей нужно было поговорить с матерью. Нужно было подумать о работе. Мечты, которые она когда-то оставила незавершёнными, всё ещё где-то ждали её.

Но впервые она не чувствовала себя раздавленной всем этим.

Когда солнце приблизилось к горизонту, Эмель посмотрела на море. Волны ударялись о берег, а затем отступали. Совсем как человеческая жизнь. Иногда приходящая, иногда уходящая, иногда отнимающая, иногда обновляющая...

В тот вечер Эмель поняла, что тетрадь состоит не только из пустых страниц.

Эта тетрадь открывала ей путь к возвращению к самой себе.

Глава 3: Первая цель

В ту ночь Эмель впервые за долгое время спала крепко и без пробуждений.

В городе её сон всегда был прерывистым. Посреди ночи она открывала глаза, смотрела в потолок и думала о том, что должна сделать на следующий день. Иногда пыталась вспомнить, не забыла ли ответить на какое-нибудь письмо; иногда в голове снова и снова звучала фраза, сказанная матерью. А иногда, без всякой причины, внутри неё поднималась тревога.

Но здесь утро началось не с резкого звука телефонного будильника, а с птичьего пения, которое проникало в комнату через открытое окно.

Когда Эмель открыла глаза, первое, что она заметила, был свет в комнате. Белая занавеска слегка колыхалась от утреннего ветра, а солнце двигалось по стене тонкой длинной линией. Несколько секунд она пыталась вспомнить, где находится. Потом в памяти возникли приморский городок, комната в пансионе и жёлтая тетрадь на столе.

Она приподнялась в кровати. Возможно, внутри неё не было огромного счастья, но не было и той тяжёлой усталости, к которой она привыкла. И уже это было хорошо.

Она подошла к столу и открыла тетрадь. Последняя фраза, написанная вчера, всё ещё была там:

«Завтра я напишу себе вторую цель».

Эмель взяла ручку. Вверху страницы поставила дату. Потом остановилась. Какой должна быть вторая цель? Больше гулять? Войти в море? Читать книгу? Меньше смотреть в телефон?

Всё это можно было сделать, но настоящее желание внутри неё было другим.

Некоторое время она стояла у окна. Внизу, в саду пансиона, госпожа Нериман протирала столы, а из маленького радио звучала старая песня. Слова были слышны неразборчиво, но мелодия казалась знакомой. Она напоминала песни, которые играли дома летними утрами в детстве Эмель.

Она поднесла ручку к странице и написала:

«Моя вторая цель: научиться говорить нет».

Когда она написала эту фразу, в середине груди почувствовала лёгкое сжатие. Словно эти два слова годами были спрятаны где-то внутри неё.

Нет.

Какое короткое, простое и трудное слово.

Всю жизнь Эмель чаще всего говорила да. Да, даже если уставала. Да, даже если не хотела. Да, даже если это не шло от сердца. Да — только чтобы кто-то не обиделся, кто-то не расстроился, кто-то не подумал о ней плохо.

Когда мать говорила: «Ты должна сделать это так», — она говорила да.

Когда на работе говорили: «Можешь заняться ещё и этим файлом?» — она говорила да.

Когда друзья говорили: «Ты ведь и так понимающая», — она говорила да.

Даже когда в отношениях ей причиняли боль, она молчала, думая: «Может, я преувеличиваю?» Иногда человек не может сказать нет не только другим, но даже собственной обиде.

Внизу страницы она написала ещё одну маленькую фразу:

«Сегодня я не скажу да тому, чего не хочу».

Написать эту фразу было легко. Прожить её, скорее всего, будет сложнее.

В этот момент зазвонил телефон. На экране снова было имя матери.

Эмель положила ручку на стол. Вибрация телефона становилась громче в тишине комнаты. Вчера она не позвонила. И на сообщение не ответила. Старый привычный голос внутри неё сразу поднялся: Ты должна ответить. Она, наверное, переживает. Она обидится. Ты будешь плохой дочерью. Так с матерью не поступают.

Но на этот раз был и другой голос. Более тихий, более новый, но более настоящий:

Ты сейчас не готова.

Телефон продолжал звонить.

Эмель глубоко вдохнула и ответила.

«Доброе утро, мама».

«Наконец-то ты ответила. Я вчера писала, звонила. Человек хотя бы даёт знать о себе». Эмель посмотрела в окно. Утреннее солнце касалось крыши.

«Ты права, ты могла волноваться. Но вчера мне хотелось немного побыть одной».

На другом конце провода наступила короткая тишина.

«То есть из-за того, что ты захотела побыть одна, ты оставишь мать волноваться?»

Эмель хорошо знала эту фразу. Фразу любви, смешанной с чувством вины. Годами, когда она делала что-то по собственному желанию, перед ней появлялись похожие слова.

Обычно Эмель сразу извинялась. Говорила: «Ты права, мама, прости», — и закрывала тему. Но на этот раз она вспомнила цель в тетради.

Научиться говорить нет.

«Мама, — сказала она медленно, — я не хочу заставлять тебя волноваться. Но здесь мне нужно немного побыть с собой. Я не всегда смогу сразу отвечать, когда ты звонишь».

«Что значит не смогу сразу отвечать? Я твоя мать».

«Я знаю».

«Я ведь не вмешиваюсь в твою жизнь. Я просто думаю о твоём благе».

Эмель закрыла глаза. Самое трудное было именно здесь. Потому что её мать не была плохим человеком. Она любила её, пыталась защитить, думала, что облегчает ей жизнь. Но иногда любовь становится похожей на одеяло, слишком плотно натянутое на человека. Оно хочет согреть, но не даёт дышать.

«Я знаю, мама, — сказала Эмель. — Но иногда, думая о моём благе, ты принимаешь решения вместо меня».

На другом конце провода тишина стала длиннее.

«Я твоя мать. Конечно, я буду думать о тебе».

«Я не говорю, что не хочу, чтобы ты думала обо мне. Я просто хочу немного пространства».

Когда она произносила эту фразу, её голос дрожал. Но она сказала её. Впервые — ясно, просто и не убегая.

Мать заговорила обиженным голосом.

«Как знаешь. Значит, теперь мы тебе в тягость».

У Эмель защемило сердце. Раньше она не выдержала бы этой фразы. Сразу отступила бы назад. Но теперь она вспомнила скамейку у моря, пустые страницы тетради, вчерашний кофе и собственные написанные фразы.

«Вы не в тягость, мама. Просто я начала становиться слишком маленькой для самой себя».

Когда эта фраза сорвалась с её губ, Эмель сама удивилась. Словно что-то, давно ожидавшее внутри, наконец нашло правильные слова.

Мать не ответила. Эмель почувствовала, что она обиделась, но на этот раз не убрала полностью свои чувства назад.

«Я в порядке, — продолжила она. — Сегодня выйду, немного погуляю. Вечером напишу тебе сообщение».

«Хорошо», — коротко сказала мать.

Когда разговор закончился, Эмель положила телефон на стол. Сердце билось быстро. Она чувствовала себя так, словно пережила огромную ссору. Хотя на самом деле сказала всего несколько фраз.

Но некоторые фразы, если человек держал их внутри годами, произнесённые вслух открывают не дверь, а целую стену.

Она открыла тетрадь и под записью о разговоре написала:

«Сегодня я впервые провела границу ради себя в разговоре с мамой. Я не стала плохим человеком. Я просто освободила для себя немного места».

После этих слов её глаза наполнились слезами. Она не хотела плакать, но несколько капель скатились по щекам. Это было не столько от грусти, сколько от облегчения груза, который она несла годами.

Когда она спустилась в сад на завтрак, госпожа Нериман ставила на один из столов оливки, помидоры, сыр, мёд и свежий хлеб. Увидев Эмель, она улыбнулась.

«Доброе утро, доченька. Выспалась?»

«Да, — сказала Эмель. — Я давно так не спала».

«Это место в первую ночь укладывает человека спать. А на второй день заставляет говорить».

Эмель тихо рассмеялась.

«С кем говорить?»

«Сначала с собой, — сказала госпожа Нериман. — А потом, если понадобится, с другими».

Эмель задумалась, все ли люди в этом городке так подбирают слова. Все будто говорили обычные вещи, но их фразы касались какого-то места внутри неё.

Она медленно позавтракала. Запах помидоров, тепло хлеба, пар на тонком чайном стакане — всё это было ей приятно. В большом городе завтрак часто был чем-то, что быстро проглатывается на ногах. Здесь же он был началом дня. Может быть, то, как человек начинает день, влияет на то, как этот день будет с ним обращаться.

После завтрака она спустилась к морю. Было ещё не слишком жарко. Идя вдоль берега, она чувствовала в сумке присутствие тетради. Это давало ей уверенность, словно рядом с ней кто-то был.

Проходя мимо «Синей чашки», она увидела, как Дениз выносит стулья на улицу.

«Доброе утро», — сказал Дениз.

«Доброе утро».

«Сегодня вы выглядите более отдохнувшей».

Эмель улыбнулась.

«Правда?»

«По сравнению со вчерашним днём — немного менее городской».

«Это хорошо?»

«Здесь — хорошо».

Эмель коротко рассмеялась. Даже этот смех показался ей непривычным. Давно она не слышала собственный голос таким лёгким.

Дениз поправил один из стульев.

«Кофе?»

Эмель заколебалась. Её старая привычка сразу сказала бы да, чтобы не разочаровать его. Но она вспомнила фразу, написанную утром.

Сегодня я не скажу да тому, чего не хочу.

«Не сейчас, — сказала она. — Я сначала хочу немного пройтись».

Дениз кивнул.

«Тогда идите. Сегодня красивое утро».

Эмель посмотрела на него с лёгким удивлением. Он не настаивал. Не заставлял её чувствовать вину. Просто принял её ответ.

И это тоже было новым чувством.

Некоторое время она гуляла вдоль берега. Сначала смотрела на море, лодки, камни и людей. Но потом мысли начали возвращаться внутрь. Говорить нет — это не только отказывать другому человеку. Иногда это говорить да жизни внутри себя. Возможно, именно этого она годами не могла понять.

Ближе к полудню она вернулась в «Синюю чашку». Дениз был за стойкой. Увидев её, он улыбнулся.

«Теперь?»

«Теперь», — сказала Эмель.

Она снова села за столик у окна. Дениз принёс ей турецкий кофе с небольшим количеством сахара. На этот раз рядом с чашкой он положил маленький листок бумаги.

«Для сегодняшней фразы», — сказал он.

Эмель посмотрела на листок и улыбнулась.

«Вы очень серьёзно относитесь к этой истории с письмом».

«Думаю, вы тоже».

Эмель не знала, что ответить. Она открыла тетрадь и посмотрела на фразу, которую написала утром.

«Моя вторая цель: научиться говорить нет».

Она перевернула страницу и начала писать:

«Сегодня я сказала нет. Не громко. Не сердито. Не причиняя никому боли. Просто сказала нет словами “не сейчас”. Я думала, что почувствую вину. Немного почувствовала. Но ещё почувствовала свободу».

Когда она закончила писать, заметила, что Дениз подошёл к столу.

«Пришла сегодняшняя фраза?» — спросил он.

«Пришла, — сказала Эмель. — Но не знаю, смогу ли прочитать».

«Вы не обязаны».

То, что он сказал это, придало Эмель смелости. Потому что впервые кто-то не пытался открыть дверь силой; он просто стоял рядом с ней.

Она некоторое время смотрела в тетрадь. Потом тихим голосом прочитала:

«Иногда сказать нет — значит сказать да собственному сердцу».

Дениз слушал, не перебивая. Когда фраза закончилась, он мягко улыбнулся.

«Хорошая фраза».

Эмель опустила глаза.

«Кажется, я слишком много пишу изнутри».

«Может быть, именно в этом всё и дело».

«В чём дело?»

«В том, чтобы писать изнутри. Фразы, которые стараются красиво выглядеть снаружи, иногда бывают очень яркими, но не касаются человека. У фраз, идущих изнутри, могут быть недостатки, но в них есть тепло».

Эмель захотела запомнить и эти слова.

«Сегодня моей целью было не стыдиться того, что я пишу», — сказала она.

Дениз улыбнулся.

«Тогда вы приблизились к своей цели».

«Из-за того, что прочитала одну фразу?»

«Некоторые люди за всю жизнь не могут сказать ни одной настоящей фразы. Одна фраза — это не мало».

Эмель сделала глоток кофе. Рядом с Денизом ей не хотелось слишком много объяснять себя. Это было для неё новым чувством.

Через некоторое время Дениз встал.

«Мне пора вернуться к работе. За кофе платить не нужно. Пусть это будет сегодняшняя поддержка письма».

«Нет, я заплачу».

«Если однажды вы закончите свою историю, я хотел бы быть одним из первых читателей. Считайте это оплатой».

Эмель рассмеялась.

«Пока ещё слишком рано».

«Иногда, когда о некоторых вещах говорят рано, у человека появляется смелость».

Когда Дениз пошёл к набережной, Эмель посмотрела ему вслед. Внутри неё было не столько романтическое волнение, сколько спокойствие от того, что её поняли. И это было ценнее.

После обеда Эмель зашла в канцелярию Мерьем. На этот раз тётя Мерьем раскладывала старые тетради у полка.

«Сегодня ты писала у моря», — сказала она.

Эмель вошла с улыбкой.

«Да. Я уже совсем не удивляюсь».

«Хорошо. Человек, который перестаёт удивляться, иногда начинает понимать».

Эмель подошла к прилавку.

«Сегодня я прочитала кому-то одну свою фразу».

Лицо тётя Мерьем просветлело.

«Вот это хорошо».

«Это оказалось очень трудно».

«Трудно — это нормально. Когда человек делится своим письмом, он показывает не только слова. Он протягивает и кусочек своего сердца».

Эмель понравилось это сравнение.

«А если кому-то не понравится?»

Тётя Мерьем взяла с полки тетрадь и поправила её обложку.

«Не всем обязано нравиться. Но ты должна стоять за тем, что написала. Текст похож на ребёнка. Если ты первая будешь его стыдиться, мир ранит его легче».

Эмель слотнула. Фраза была резкой, но правдивой.

Тётя Мерьем внимательно посмотрела на неё.

«Сегодня ты написала себе цель», — сказала она.

«Какую цель?»

«Научиться говорить нет».

Тётя Мерьем медленно кивнула.

«Трудная, но ценная цель».

«Я не думала, что это будет так трудно».

«Потому что большинство из нас выросли, думая, что говорить нет — это плохо. А ведь иногда сказать нет — значит сказать да собственному сердцу».

Услышав эту фразу, Эмель сразу захотела достать тетрадь. Она не должна была её забыть. Тётя Мерьем улыбнулась.

«Пиши, доченька. Некоторые фразы нужно поймать, пока они не убежали».

Эмель открыла тетрадь и написала:

«Иногда сказать нет — значит сказать да собственному сердцу».

Она подчеркнула эту фразу. Потому что почувствовала: это будет не только фразой сегодняшнего дня, но, возможно, одной из главных фраз всего лета.

Когда наступил вечер, она вернулась в пансион. Перед тем как подняться в комнату, немного посидела в саду. Небо меняло цвет с розового на фиолетовый, и огни городка зажигались один за другим. Она посмотрела на телефон. Новых сообщений от матери не было. Это одновременно успокоило её и немного огорчило.

Когда человек проводит границу, иногда ему приходится столкнуться и с молчанием другой стороны.

Но на этот раз Эмель не стала сразу заполнять эту тишину. Не стала объясняться. Не написала сообщение с извинениями. Просто ждала. Пробовала оставаться внутри себя.

Поднявшись в комнату, она открыла страницу дневной записи.

«Сегодня я написала свою вторую цель: научиться говорить нет. Это маленькое слово, но оно занимает большое место внутри меня. Я попробовала сделать это с мамой, с Денизом и больше всего — со своими старыми привычками. Мне было трудно, но я не сломалась. Может быть, я сильнее, чем думала».

Она положила ручку. Открыла окно. Снаружи вошёл ночной запах моря.

Когда Эмель легла в кровать, покой внутри неё не был идеальным. У неё всё ещё были вопросы, всё ещё были обиды, она всё ещё не знала, что будет завтра.

Но теперь у неё была тетрадь.

И в этой тетради впервые были цели, которые действительно принадлежали ей.

Глава 4: Старая канцелярская лавка

На следующее утро над городком опустилась лёгкая прохлада.

Когда Эмель открыла окно, ветер с моря слегка поднял занавески. Небо было светло-голубым. Вдалеке несколько чаек кружили над крышами, будто несли первые новости дня. В городе утро чаще всего начиналось с экрана телефона. А здесь утро приходило к окну и тихо ждало.

Эмель встала с кровати, умылась и села за стол. Она открыла тетрадь с жёлтой обложкой. Просмотрела фразы, которые написала в предыдущие дни.

«Этим летом я приехала не для того, чтобы потерять себя, а для того, чтобы найти себя».

«Научиться слушать себя».

«Научиться говорить нет».

«Иногда сказать нет — значит сказать да собственному сердцу».

Каждая фраза словно сдвигала внутри неё маленький камень. Это не было большим изменением. Её жизнь не стала вдруг совершенно другой. Но среди внутреннего беспорядка открывалась маленькая тропинка. Эмель не знала, куда она приведёт, но впервые ей хотелось идти.

Она взяла ручку. На новой странице написала дату. Затем несколько секунд подумала. Какой должна быть сегодняшняя цель?

Из-за окна донёсся голос госпожи Нериман. Она разговаривала с кем-то в саду. В её голосе, как всегда, было спокойствие. Эмель заметила, что завидует этому спокойствию. Некоторые люди будто знали, к чему именно нужно прикоснуться в жизни. А сама она уже много лет кружила вокруг одного и того же вопроса:

«Какой жизни я на самом деле хочу?»

Вверху страницы она написала:

«Моя третья цель: быть честной с самой собой».

Когда она написала эту фразу, ручка остановилась. Потому что быть честной с самой собой иногда труднее, чем быть честной с другим человеком. Другому можно сказать «я в порядке» и пройти мимо, но, говоря это себе, слышишь тихое возражение собственного сердца.

Эмель продолжила:

«Сегодня я не буду лгать себе. Я постараюсь принять всё, что чувствую».

Она закрыла тетрадь. Эта цель была тише двух предыдущих, но глубже.

Когда она спустилась в сад на завтрак, госпожа Нериман ставила на стол свежесваренный чай.

«Доброе утро, доченька», — сказала она.

«Доброе утро».

«Сегодня ты выглядишь немного задумчивой».

Эмель улыбнулась.

«Разве я не каждый день так выгляжу?»

Госпожа Нериман тихо рассмеялась.

«Когда ты только приехала, ты выглядела уставшей. А теперь выглядишь задумчивой. Между этим есть разница».

Эмель почувствовала эту разницу и внутри себя. Усталость закрывала человека. А размышления, даже если иногда причиняли боль, приоткрывали дверь.

После завтрака она не пошла к морю. Ноги сами понесли её к старой канцелярской лавке. Маленький магазин на углу улицы удерживал утреннее солнце в стекле витрины. На деревянной вывеске над дверью выцветшими буквами было написано: «Канцелярия Мерьем». В витрине лежали цветные ручки, открытки, маленькие тетради и старомодные конверты.

Когда Эмель толкнула дверь, раздался знакомый звон колокольчика.

Внутри пахло старой бумагой. Полки тянулись до потолка, и на каждой будто хранилось другое время. В одном углу лежали цветные карандаши для детей, в другом — школьные тетради, а у стены были разложены открытки. За прилавком тётя Мерьем сортировала марки в маленькой коробке.

«Доброе утро, Эмель», — сказала она, не поднимая головы.

Эмель уже не удивлялась. В этом городке люди словно узнавали даже то, как кто-то приходит.

«Доброе утро, тётя Мерьем».

«Похоже, сегодня тебя сюда привела тетрадь».

Эмель улыбнулась.

«Может быть. На самом деле я просто хотела зайти».

Тётя Мерьем разложила марки по маленьким отделениям. Затем сняла очки и положила их на прилавок.

«В некоторые места человек не просто заходит, доченька. В некоторые места он приходит потому, что его зовёт что-то внутри».

Эмель не знала, что ответить. В канцелярской лавке время двигалось тяжелее. Снаружи было летнее утро, а здесь будто хранились все написанные и ненаписанные времена года.

«Можно я кое-что спрошу?» — сказала Эмель.

«Спрашивай».

«Эти тетради... То есть вы правда верите, что люди выбирают правильную тетрадь?»

Тётя Мерьем слегка улыбнулась. Она села на табурет за прилавком и указала рукой на стул напротив.

«Садись, расскажу».

Эмель села, положив сумку на колени. Тётя Мерьем некоторое время смотрела на тетради в витрине.

«Я открыла этот магазин вместе с мужем, — сказала она. — Может быть, это было не так уж давно, но мне кажется, будто прошла целая жизнь. Тогда в городке не было больших магазинов и ярких лавок. Дети покупали здесь школьные тетради. Молодые выбирали конверты, чтобы написать письма тем, кого любили. Учителя покупали красные ручки, а матери выбирали детям наборы красок».

Эмель молча слушала.

«Мой муж очень любил тетради, — продолжила тётя Мерьем. — Он говорил: “Мерьем, тетрадь — это не просто бумага. Что бы человек ни написал в ней, груз внутри него становится немного легче”. Тогда я смеялась. Говорила: “Ну тетрадь и тетрадь. В линейку, в клетку, пустые страницы...”»

Голос тёти Мерьем слегка смягчился.

«Потом однажды мой муж заболел. Это был долгий путь. В те дни, когда у него не хватало сил говорить, он начал писать в маленькой тетради. Иногда одну фразу, иногда одно слово... Но благодаря той тетради я смогла понять, что происходит у него внутри».

У Эмель сжалось горло. Тётя Мерьем рассказывала это не драматично. Словно за годы она положила очень глубокую боль в спокойное место.

«После его смерти я думала закрыть магазин, — сказала тётя Мерьем. — Но потом нашла тетради, в которых он писал. В одной из них было написано: “Пусть этот магазин останется открытым. Может быть, однажды кому-то понадобится тетрадь”».

Глаза Эмель переместились к пустому месту в витрине, где раньше лежали тетради с жёлтой обложкой. Она почувствовала свою тетрадь в сумке.

«Поэтому тетради так много для вас значат?» — спросила она.

Тётя Мерьем кивнула.

«Да. Потому что иногда человеку нужен не большой совет. Ему нужна пустая страница. Пустая страница пугает, но в то же время освобождает. Никто не говорит тебе, что именно нужно на ней написать».

Эмель глубоко вдохнула.

«Наверное, поэтому мне и трудно, — сказала она. — До сегодняшнего дня кто-то всегда говорил мне, что делать. А теперь, когда тетрадь остаётся пустой, я не знаю, что написать».

Тётя Мерьем внимательно посмотрела на неё.

«Какая у тебя сегодня цель?»

Эмель удивилась.

«Откуда вы знаете?»

«Те, кто покупает эту тетрадь, обычно каждый день что-то записывают. И на твоём лице сегодня есть довольно трудная цель».

Эмель слегка улыбнулась. Она достала из сумки тетрадь и открыла страницу.

«Быть честной с самой собой», — сказала она.

Взгляд тёти Мерьем стал мягче.

«Красивая цель. Но будь осторожна: честность иногда открывает ту дверь, от которой человек больше всего убегал».

«Вот этого я и боюсь».

«Почему?»

Прежде чем ответить, Эмель некоторое время молчала. Тишина внутри лавки помогала ей. Здесь будто не нужно было отвечать поспешно.

«Потому что если я буду честна с собой, мне придётся подумать, действительно ли я хочу ту жизнь, которой живу сейчас, — сказала она наконец. — Мою работу, мои отношения, границы между мной и мамой... всё».

Тётя Мерьем медленно кивнула.

«А если не подумаешь?»

Эмель не смогла сразу ответить на этот вопрос.

«Если не подумаю... — сказала она. — Наверное, буду продолжать жить так же».

«Это сделает тебя счастливой?»

Эмель опустила глаза к тетради.

«Нет».

Вот снова появилось это слово. Нет. Но на этот раз оно было сказано не человеку, а некоторым частям её собственной жизни.

Тётя Мерьем достала из-под прилавка маленькую коробку. Внутри были старые открытки. Она выбрала одну и протянула Эмель. На открытке был силуэт одинокой женщины, идущей у моря. Лица женщины не было видно. Солнце почти садилось, и небо стало оранжевым.

«Положи это между страницами своей тетради», — сказала она.

«Сколько стоит?»

«Денег не нужно. Это подарок».

«Нет, я заплачу».

Тётя Мерьем подняла руку.

«Некоторые вещи не продаются, доченька. Когда-то это подарили мне. Теперь пусть будет на твоей стороне».

Эмель осторожно взяла открытку. На ней не было никакой надписи, но изображение показалось ей знакомым. Словно эта женщина была она сама. Кто-то, кто идёт у моря, чьего лица не видно, но кто хочет куда-то пойти.

Она открыла тетрадь и положила открытку между первыми страницами.

Тётя Мерьем встала и сняла с полки тонкий синий пенал.

«Сегодня возьми ещё и это, — сказала она. — Чтобы ручки не терялись, когда пишешь».

Эмель улыбнулась.

«А вот за это я заплачу».

«За это можешь».

Они обе рассмеялись.

Когда Эмель вышла из канцелярской лавки, улица показалась ей немного более значимой. Те же камни, те же стены, тот же свет... Но она уже не смотрела прежними глазами. Возможно, когда что-то меняется внутри человека, внешний мир не меняется; просто его голос становится слышнее.

Она не пошла сразу в «Синюю чашку». Вместо этого стала гулять по узким улицам городка. Она смотрела на двери, окна, цветочные горшки и бельё, развешанное на балконах. Перед одним домом пожилая женщина поливала цветы. Ребёнок пытался ехать на велосипеде, и каждый раз, теряя равновесие, вставал и пробовал снова.

Эмель подумала о фразе, которую написала утром:

«Я постараюсь принять всё, что чувствую».

Затем честно спросила себя:

«Что я чувствую?»

Ответ пришёл не сразу. Сначала пришла усталость. Потом обида. Потом страх. А под ними — что-то гораздо более скрытое:

Тоска.

Она скучала по той себе, какой была когда-то. По девочке, которая писала рассказы, мечтала и верила, что может создать что-то своё. С годами эта девочка постепенно замолчала. Жизнь не раздавила её за один день. Она просто каждый день шептала всё громче: «Будь реалистичной. Будь ответственной. Не мечтай слишком много».

Вернувшись в пансион, она некоторое время лежала на кровати. Глядя в потолок, она думала о своей жизни. Попыталась вспомнить, кем хотела стать в детстве. Когда-то она хотела быть учительницей. Потом хотела стать писательницей. В старых тетрадях она писала рассказы. В школе её сочинения всегда нравились. Но с возрастом пришли «реалистичные» цели. Надёжная работа, стабильная зарплата, правильная жизнь...

Возможно, никто прямо не говорил ей: «Не мечтай». Но все так часто повторяли, что разумные вещи важнее мечтаний, что через некоторое время Эмель начала считать свои мечты детскими.

Ближе к вечеру она снова открыла тетрадь. Под сегодняшней целью написала новый заголовок:

«Мечты, которые я забыла»

Первым пунктом она написала:

«Писать».

Ручка остановилась. Когда она смотрела на это слово, внутри неё одновременно стало тепло и больно. Потому что некоторые мечты не умирают. Они лишь запираются в тихой комнате внутри человека. Когда открываешь дверь, видишь, что они всё ещё там.

Вторым пунктом она написала:

«Более медленная жизнь».

Третий пункт:

«Уметь принимать собственные решения».

Четвёртый пункт:

«Однажды создать что-то, что действительно принадлежит мне».

Этот список мог продолжаться, но пока Эмель остановилась. Она посмотрела на страницу и улыбнулась. Сегодня она была честна с собой. Эта честность не решила всё, но показала ей, чего ей не хватает.

Перед наступлением ночи пришло сообщение от матери.

«Ты в порядке?»

Эмель долго смотрела на сообщение. В этих двух словах были и забота, и обида. Возможно, её мать тоже пыталась любить так, как умела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.